

ГЛАВА 27. МЕЧ

То, что Цинь Уцзю решил покончить с водным чудовищем, прежде чем вернуться, не стало для Цзянь Мянэ сюрпризом.

В Фэнчжоу младший шишу казался ленивым и равнодушным ко всему на свете. Здесь он тоже частенько пребывал в расслабленном состоянии, но это не было бездумным попустительством. Каждое действие Цинь Уцзю теперь имело четкую цель. И хотя тот не говорил об этом вслух, Цзянь Мянэ знал: шишу движет то же желание, что и его самого.

Вернуть близкого человека домой в целости и сохранности.

В брюхе чудовища были разбросаны сотни, если не тысячи видов оружия. Большинство из них скрывали густые заросли странных трав и кустарников, мешая разглядеть детали, но исходящая от них духовная энергия была на редкость чистой. Для Цзянь Мянэ эти клинки были невероятно соблазнительны, однако он не спешил к ним — сперва нужно было позаботиться о раненых.

Шэнь Линьфэн и Ци Чжаншэн попали в чрево чудовища вместе с ними и теперь лежали на земле без сознания. Видя, что младший шишу не собирается ими заниматься, Цзянь Мянэ достал лекарства и принялся за перевязку.

Ци Чжаншэну досталось сильнее всего: после атаки чудовища его спина превратилась в кровавое месиво — живого места не осталось.

От резкого запаха крови Цзянь Мянэ едва не лишился чувств. Стиснув зубы и подавив подступившую тошноту, он поспешно обработал раны Ци Чжаншэна и наложил повязки. Закончив работу, он вытер пот со лба. Его ладони были в крови; небрежно отерев их, он достал целебную пилюлю и вложил её в рот раненому.

Цинь Уцзю, наблюдавший за его манипуляциями, холодно заметил:

— Он не жилец. К чему переводить снадобья?

Цзянь Мянэ понимал, что шишу не просто язвит. Раны Ци Чжаншэна были слишком глубоки — местами виднелась кость, а из-за долгого промедления он потерял слишком много крови. Цзянь Мянэ сделал всё, что мог, и теперь оставалось лишь надеяться на волю самого Ци Чжаншэна к жизни.

По сравнению с умирающим товарищем, состояние Шэнь Линьфэна было куда лучше. Хотя его голени тоже превратились в кровавое крошево, обнажая белизну костей, угрозы для жизни не было. И это уже можно было считать чудом.

Стирая холодный пот, Цзянь Мянью подумал, что Шэнь Линьфэну повезло — он успел среагировать. Если бы в момент укуса он не сосредоточил всю духовную силу в ногах, чудовище просто откусило бы их. Стараясь не смотреть на раны слишком долго, юноша наложил мазь и слой за слоем обмотал ноги пострадавшего бинтами.

Когда с ногами Шэнь Линьфэна было покончено, Цзянь Мянью почувствовал себя так, словно пробежал марафон. Забыв о приличиях, он бессильно опустился на землю рядом с ранеными, едва слышно пробормотав:

— Врачи — поистине великие люди.

Немного переведя дух и набравшись сил, он поднялся, и его взгляд невольно упал на туго забинтованные ноги Шэнь Линьфэна. Сердце Цзянь Мянью пропустило удар. Он вспомнил слова Шэнь Линьфэна о том, что именно младший шишу когда-то искалечил ему ступни.

Вспоминая характер травм и ту картину, что он видел издалека — как Шэнь Линьфэн копил силу в ладонях, явно намереваясь отсечь собственные ноги ради спасения...

Его ноги были искалечены именно здесь.

«Неужели... это чудовище как-то связано с шишу?»

Тряхнув головой, Цзянь Мянью отогнал эти мысли. Сейчас не время для сомнений, нужно выбраться из этой ловушки. Он обернулся к Цинь Уцзю и сообщил, что пойдет выбирать оружие, попросив того присмотреть за ранеными, после чего направился вглубь зарослей.

В траве были разбросаны сабли, копья, мечи и алебарды, и каждый предмет так и лучился мощной духовной силой. Цзянь Мянью касался одного, разглядывал другое — его глаза сияли от восторга. В глубине души каждого юноши живет желание выглядеть героем, и Цзянь Мянью не был исключением. С детства его завораживал образ одинокого воина, что с одним лишь мечом странствует по миру.

Из кучи оружия он вытянул меч и, сияя от радости, продемонстрировал его Цинь Уцзю:

— Младший шишу, как тебе этот?

Цинь Уцзю небрежно щелкнул пальцем, направив струю чистой энергии в клинок. Меч с сухим звоном переломился пополам.

Цзянь Мянью: «...»

Ладно, намек понят.

Он бросил обломки и выбрал другой:

— А этот?

Цинь Уцзю снова поднял руку, и новый меч постигла та же участь.

Так повторилось несколько раз. Стоило Цинь Уцзю лишь приготовиться к щелчку, как Цзянь Мянью сам отбрасывал клинок в сторону. Вскоре вокруг него валялись десятки забракованных железок.

Ладони Цзянь Мянью покраснели от усилий, пока он выкорчевывал оружие из земли. Он почувствовал смертельную усталость.

«Сказал же — выбирай любой... Неужели здесь нет ни одного меча, способного выдержать хоть один щелчок шишу?»

— Младший шишу, — взмолился Цзянь Мянью, — помоги мне выбрать.

Но Цинь Уцзю ответил непреклонно:

— Свой меч ты должен выбрать сам.

Цзянь Мянью: «...»

«Тогда не мешай мне!»

Вконец измотанный, он сел прямо на землю. Белоснежные одежды давно превратились в лохмотья, и, оправляя подол, Цзянь Мянью невольно подивился тому, как быстро человек приспосабливается к обстоятельствам. В Фэнчжоу он не выносил и пятнышка на одежде, сразу требуя смены наряда, а здесь, борясь с наводнением, он ни на миг не оставался чистым. А после встречи с водным чудовищем и вовсе выглядел жалко.

Он рассеянно дернул пучок сорняков, гадая, какая часть тела чудовища породила эту флору, и вдруг заметил слабое мерцание в слое почвы под корнями.

Копнув пару раз, он замер: там действительно что-то было.

Глубоко в земле покоилось оружие.

Вновь обретая азарт, Цзянь Мянью направил духовную силу в руки и вскоре извлек на свет меч. Клинок был ослепительно белым, сияющим, словно зеркало; по его поверхности перетекали

сплохи света — вещь явно была незаурядной.

Теперь Цзянь Мянй понял, почему шишу был недоволен его предыдущими находками. По сравнению с этим сокровищем всё остальное оружие казалось грудой ржавого лома.

Тут он заметил странную деталь: духовная энергия от всех мечей в округе, включая те, что он сам набросал, медленно стекалась к этому клинку. Слабо, почти незаметно, но этот меч поглощал остатки чужой силы.

Догадка мгновенно осенила его.

Этот меч, погребенный в земле, был подобен жемчужине в раковине. Тысячелетиями он впитывал мощь другого оружия, переплавляясь, оттачиваясь и закаляясь в недрах чудовища, чтобы обрести нынешнюю остроту.

Взгляд Цзянь Мянй вспыхнул. Глубоко вдохнув, он обхватил рукоять и рванул вверх.

Меч не шелохнулся.

Но разве можно отступить от такого сокровища? Сосредоточив все силы в ладонях, юноша мертвой хваткой вцепился в рукоять. С низким рыком, от которого на лбу вздулись вены, он рванул клинок на себя.

В тот миг, когда меч покинул землю, высвободилась сокрушительная мощь. Сияние, сорвавшееся с острия, пронзило пространство, вспарывая плоть замкнутого нутра чудовища.

Сквозь огромную рану хлынул поток ливня, открывая вид на свинцовое небо. Ци Чжаншэн и Шэнь Линьфэн оказались прямо под ударом стихии.

Цинь Уцзю небрежным взмахом рукава воздвиг над ними барьер, отсекая стену дождя.

Выбравшись наружу, Цзянь Мянй ощутил небывалый прилив сил. Стоя на мече перед разъяренным чудовищем, он вскинул клинок и среди воя ветра холодно бросил:

— Сегодня ты станешь моей первой жертвой.

Грохот грома и росчерки молний разорвали мрак небес. На фоне исполинской туши древнего зверя Цзянь Мянй, чьи одежды бешено трепал ветер, казался крошечным, но он не отступил. Напротив, он бросился в атаку, являя собой пример пугающей и величественной отваги.

Цинь Уцзю парил на мече неподалеку. Он не собирался вмешиваться, лишь наблюдал, прикрывая собой раненых.

Цзянь Мянью не ведал страха. Техники меча, которые он так долго оттачивал под присмотром шишу, наконец нашли достойное применение.

Его врагами были не только водное чудовище, но и уродливые твари, что сновали в мутной воде. Глядя на них, Цзянь Мянью видел перед собой несчастных беженцев, лишившихся крова, и поля, усеянные телами. Перед лицом стихии человек беззащитен, но демоны, решившие нажиться на чужом горе, не заслуживали пощады.

Цзянь Мянью нанес удар — в этот взмах он вложил всё своё сострадание и ярость. Ослепительное сияние клинка пронзило ночную мглу. словно искра, попавшая в сухую траву, его воля вспыхнула, превращаясь в неукротимое пламя.

Один удар, потрясший небеса.

Клинок насквозь прошёл тушу чудовища и, не теряя мощи, обрушился на мелких водяных бесов. Почуввав смерть, те бросились врассып, но было поздно.

С истошными воплями они рассыпались прахом.

Вершина горы. Вода уже подбиралась к самому краю.

Люди сгрудились тесным кольцом: в самом центре укрывали немощных стариков и детей, их защищали крепкие мужчины, а на самом краю стояли юные ученики Ордена Небесного Пути. В сердцах каждого царил ужас перед грядущей участью.

Все взоры были обращены вдаль. Там, во тьме, они видели колыхание исполинской тени водного чудовища и чувствовали, как их покидает надежда. Но вдруг во мраке вспыхнула точка света — она росла, разгораясь в пожар.

В следующее мгновение сияющий росчерк меча распорол небосвод. Раздался оглушительный всплеск — туша чудовища рухнула в бездну.

Этот звук стал вестником конца долгой ночи.

Стоило чудовищу испустить дух, как ветер стих, а дождь прекратился. Солнечные лучи пробили плотную завесу туч, озаряя измученный мир, и паводок, словно повинувшись приказу, стремительно пошел на убыль.

На вершине воцарилась тишина. Люди бросали зонты, не веря своим глазам.

И тут же толпа взорвалась криками ликования и рыданиями. Это была радость тех, кто заглянул в бездну и сумел вернуться.

Они выжили.

Покончив с чудовищем, Цзянь Мянью вернулся к Цинью Уцзю. Его руки всё еще мелко дрожали от возбуждения.

Он посмотрел на младшего шишу, и его глаза сияли от восторга.

— Шишу, ты видел? Я победил!

Цинью Уцзю давно забыл, что чувствовал, когда впервые убил врага своим мечом, но, должно быть, те ощущения были схожи.

В глубине его взгляда промелькнула тень улыбки. Он протянул руку, взъерошил черные волосы юноши и тихо произнес:

— Недурно. Совсем недурно.

<http://bllate.org/book/17489/1713550>